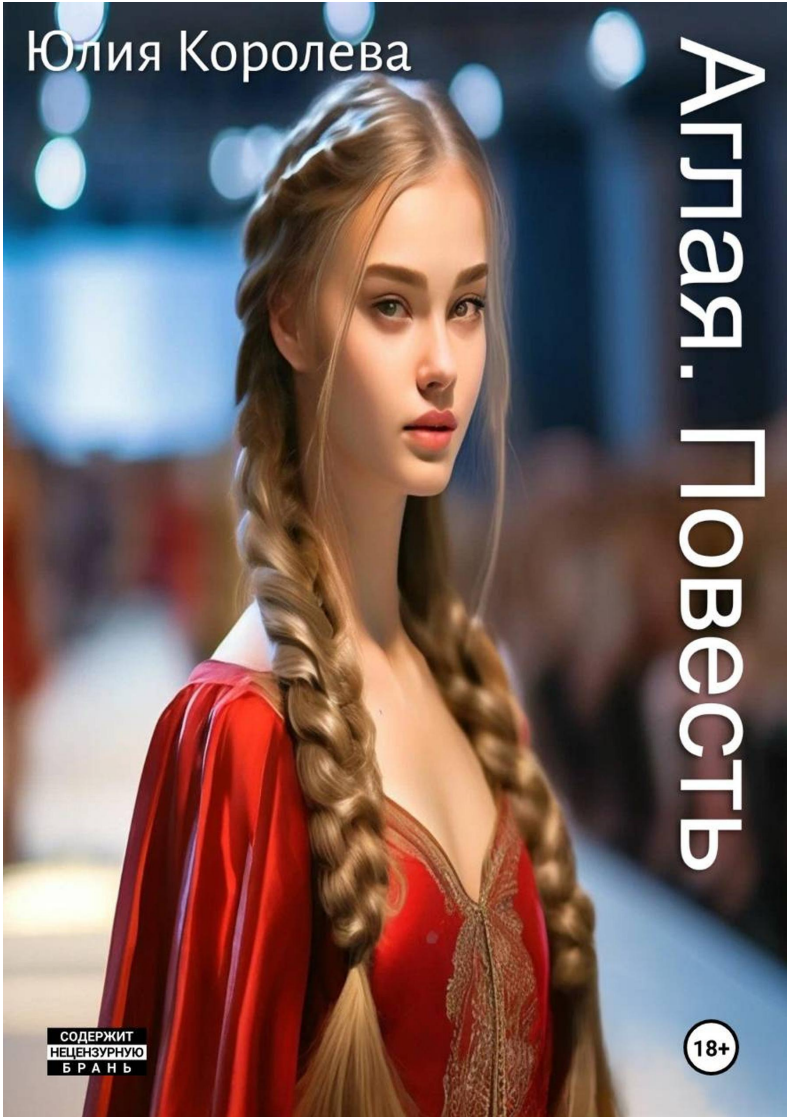

Юлия Королева
Аллая. Повесть
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Юлия Королева

Аглая. Повесть

https://litres.ru/74733163
SelfPub; 2026

Аннотация

Маленькая семейская деревня конца 50-х годов двадцатого века... Большая любовь в маленькой семейской деревне, и масса тех, кто с любовью этой не согласен. Судьба преподнесла Аглае несколько жестоких уроков в жизни, и без людей, которые были готовы ей помочь, без тех, кто смог разглядеть её талант, она бы, наверное, не справилась. И несмотря ни на что, она так и не смогла забыть свою первую большую любовь - Ивана. Будут ли они вместе, или им так и придётся до конца жизни жалеть о том, что они упустили своё большое чувство и не стали бороться за собственное счастье?

Содержание

Часть 1 4
Часть 2 16
Часть 3 27
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Юлия Королева
Аглая. Повесть

Часть 1

«Как седая меня мать
Провожала
Вся деревня, вся родня
Набежала.
Ох, куда ж ты, паренёк,
Ох, куда ты!
Не ходил бы ты, Ванёк, во солдаты!
В красной армии штыки,
Чай найдутся,
Без тебя большевики,
Обойдутся!»

Весело поёт - гуляет деревня Калиновка, что на берегу быстрой реки Калиновки находится! Бабы в цветастых платьях, да сарафанах, мужики в вышитых рубахах, справные девки, пунцовые, под цвет своих платков, да парни с гармошками в руках, да сапогах начищенных, отбивают чечётку под частушки, хватают девок, под свист и улюлюканье в толпу уводят, в пляс.

Веселится народ – грустить - тосковать некогда: урожай убран, скотина забита, мяса полные погреба, хозяйственные бабы грибов - ягод на зиму бочонками назаготавливали – голодом теперь не сидеть, так почему бы и праздник не устроить?!

Тем более, провожают в армию девятнадцатилетнего Ванюшку – сына Демьянова, парня хорошего по всем показателям – и из себя-то красив, и хозяйственный, благо, батька всему научил, и серьёзный, не то, что некоторые в деревне – только хи-хи, ха-ха, да по гулькам шататься. Этот нет – лишнего слова не скажет, а как глянет из-под светлых широких бровей – всю душу ему выложишь.

Сидит, смущённый, пунцовый от жары, весь какой-то степенный не по годам – как же, вырос, взрослый, армия впереди, каждый такое за честь посчитает. Вот и родители рядом сидят, гордая мать его, Анфиса Павловна, да отец Демьян Егорович, гордятся сыном своим, вон как вокруг посматривают, словно бы у других ни у кого сыновья не служили.

Всем довольны гости – а они это видят, потому ещё гордость их берёт – справно сына в армию проводили, хорошо это событие односельчанам преподнесли.

Вон сколько народа собралось – все, все здесь, вплоть до председателя, сидит он рядом с Егорычем, усы время от времени потирает, глаза светлые, уже немного пьяные, блестят мягким, голубоватым светом, посматривает он вокруг, то и дело останавливая взгляд на Иване, его родителях, да строго

поглядывая на дочь свою – малолетку Софью.

Софья скромна, неказиста, росточком маленькая, коса жидкая до пояса, фигурка худая, тщедушная – как только земля её носит, да как работу она по дому делает, непонятно. В деревне, чтобы робить, бабе силища нужна. Вон, остальные девки по сравнению с ней – кровь с молоком. Статные, высокие, лица розовые, а эта – ни богу свечка, ни чёрту кочерга. А может, и выправится ещё, дитя ведь – шестнадцать недавно минуло.

– А что, Демьян! – заявляет вдруг подпивший председатель – как бы нам с тобой породниться, а? У тебя парень, у меня девка… Ты не гляди, что она замухрышка – годик - другой, она нашим тёлкам фору даст!

Приосанился Демьян, притихла Анфиса Павловна – смотрят на председателя, уж не шутит ли? Недалеко от них и Сонька примолкла – услышала, что говорил отец, сердце так и зашлось. Давно уже она засматривается на Ванюшу, и кажется ей, что лучше парня в их деревне и не сыскать вовсе.

Кинула взгляд на Ивана, а он и внимания на слова председателя не обращает, смотрит в другую совсем сторону. Сонька-то знает, куда, да поделать ничего не может.

– Да мы, Сазон, и не против – забасил Демьян – только вот, сын-то… Против его воли не пойдём, сам знашь – характерный он у нас. Скажет – как отрежет. А так – породнились бы мы с тобой, чё ж такого кума не иметь!

– Сонька-то моя – да хоть бы сейчас, токмо мала ещё!

Заржал председатель так, что Софья вздрогнула. Покосилась на отца с обидой.

– А ты на батьку не крысься, ишь, сверкает гляделками!

Соня опять на Ивана смотрит – неужто не скажет он ничего, не вступит в беседу. Тогда бы сразу всё ясно было. Но Иван много говорить не привык – он человек дела, а не слова. Встал молча, чуб свой золотистый поправил, да и пошёл. Соня знает, куда. В самом конце стола сидит рядом со своими родителями Аглая – местная девка, красавица, каких не сыскать. Статная, невысокая, с тёмно-русой косой и ярко-голубыми глазами, губы полные приоткрывают в усмешке белую полосочку зубов, на щеке родинка… Ох, и красивая девка удалась!

Вот Иван наклонился к Аглае, шепнул ей что-то, взял за руку, да из-за стола вывел. Обошли они пляшущую толпу и скрылись в сенях, оттуда – на улицу, во двор.

У Софьи на глаза слёзы навернулись – всё она готова отдать за то, чтобы Иван был рядом с ней. Давно уже в своих мечтах она представляла себя его женой, как будет у них добротный дом, детишек много, хозяйство. Она, Сонька, ночами бы не спала – берегла покой любимого… Закрыв глаза, представила, как гладят её руки пшенично - золотистые волосы Ивана, так в свои мечты ударилась, что перестала слушать, о чём взрослые беседуют.

– Вона куда он, смотрит-то…- буркнула Анфиса Павловна, проводив сына взглядом – мы-то с батькой такой невест-

ке не сильно рады, да рази они, молодые, нонче нас слухают? Сами вумные, всё знають…

Демьян повернулся к жене, сверкнул тоже уже пьяненькими, мутными глазами.

– Рази я собственному сыну не указ? Не хочет по-хорошему, придётся батьку по-плохому слухать!

И стукнул кулаком по столу. Анфиса Павловна зашипела на него – мол, чего разбушевался, старый дурак, девки – сёстры старшие Ивана, смешливые хохотушки, прыснули все в ладошки.

– Молчите, курвы! – Демьян им кулаком погрозил, повернулся к председателю – давай так, Сазон Евдокимыч… Отслужит Ванька службу, с армии придёт – там поглядим. Я, если что, супротив слова не скажу. Сонька твоя девка ладная, худа только, но выправится, думаю…

Прекрасно понимал Демьян, чего его так на свадьбу сына с этой страшилкой Сонькой потянуло – любой бы в их деревне за честь почёл в родстве с председателем находиться. Загорелось у Демьяна, зажгло где-то в груди провернуть такое выгодное дельце. Только Ванька, дурак, не понимает, что он теряет, но это Демьян ему и пообломать может – супротив отцовского слова Ванька не пойдёт, чтобы он там не говорил…

И чего он в этой Глашке нашёл? Ну, красивая девка – не более того. От семьи её никакого толка не будет – отец, как Глашкина мать умерла, привёл в дом бабу из соседней де-

ревни. Нерадивая та баба – к хозяйству не приучена, только детей клепает одного за другим. Как про таких у них говорят: «Чашки - ложки под столом, курицы в комоде». Вот уж надо было выдумать такое: «Курицы в комоде»!

...– Аглаюшка, ты ждать меня будешь?

– Конечно, Ванюша – повернула к нему своё розовое, с мороза, личико, улыбнулась той неповторимой улыбкой, которую только он, Ваня, видит, когда она для него улыбается. Так и хочется все её ямочки на щеках зацеловать!

– Ты, Аглаюшка, письма мне пиши, ладно. Я ждать буду. Про всё пиши – как дела делаются, как хозяйство. Приду на побывку – свидимся, а там и вовсе недолго служить останется. Потом поженимся, детишек народим, хозяйство заведём, а лучше в город уедем, там устроимся. Там стройка такая разворачивается! Эх, и интересно жить на белом свете, Глашка! Мир бы нам повидать!

– Да мне без тебя, Ванюша, никакого мира не надо!

– Дура ты, Глашка! Нельзя на одном человеке зацикливаться…

– Что это – нельзя?! Как же… Все один раз замуж выходят, и я также хочу.

– «Замуж» - передразнивает девушку Иван – я тебе не про замуж вовсе. Вот что вы, бабы, за зацикленные существа!

Любит Аглая Ивана, как не крути. Днями и ночами, за хозяйскими делами, да во сне, думает о нём постоянно и знает, что он тоже о ней думает. По-другому они и не мыслили –

только вместе быть, больше никак. Нет у них разных дорог – одна должна быть. Это как две половинки одного целого – никак нельзя делить - разлучать, не сможет одна половинка без другой жить.

Они останавливаются около чьего-то плетня, присаживаются на стылую лавчонку тут же, Иван осторожно обнимает Аглаю, прижимает к себе, касаясь губами её холодных щёк и лба.

– Ох, Ванюша – тихонько шепчет девушка – неспокойно мне на сердце, будто давит что-то… Поди случится чего…

– Ну что ты, что ты – успокаивает он её – что случиться-то может, глупенькая. Всё хорошо будет, только пиши мне почаще, ладно. Письма долго идут…

Прячет на его груди своё лицо, по которому уже бегут стылые слезинки и шепчет:

– Каждый день тебе писать буду. Пойдём, Ванюша, ушли мы от гостей, не браво это – батька твой обсердится…

Они возвращаются по тёмной улице, держась за руки и уже не разговаривают, а идут молча, думая каждый о своём.

Иван задерживается во дворе, слышит из окон пьяный ор гостей, которые поют песни, разворачивается и идёт к воротам – в последний раз перед службой посмотреть на расстилающуюся за дорогой степь, слышит голос позади:

– Иван!

Оборачивается – Софья.

Молода девчонка, да прилипчива – думает он про себя.

Неприкрытым глазом любовь эту видно, из-за неё в деревне все над Софьей беззлобно подсмеиваются. Знают, что Иван Аглаю любит, и не понимают, что должно произойти, чтобы разлучить их. Сонька тоже это понимает, но поделать с собой ничего не может.

– Чего тебе, Соня?

Она подходит к парню – в тёплой дублёнке, цветастом платке, уж отец свою дочь одеждой не обижает, всё лучшее для девки. Приподнимается на цыпочки, так, что её губы оказываются почти на уровне губ Ивана и шепчет:

– Ваня, я ждать тебя буду. Ждать!

Её тёплое дыхание смешивается с дыханием парня, он смотрит на неё так, как, наверное, смотрит на Аглаю – это Сонька себя так утешает, но вот заканчивается это чудесное, мимолётное время, Иван берёт её твёрдыми руками за плечи, отодвигает от себя и говорит твёрдо:

– Ты, Соня, это оставь. Ни к чему это… Встретишь ты ещё хорошего парня, влюбишься. А я Аглаю люблю.

– Не встречу – шепчет Соня, а по щекам слёзы уже бегут прозрачными ручейками – я тебя люблю, Иван! Не люб мне никто другой!

– Я, Соня, ответить тебе не могу тем же. Нет у меня никого дороже Аглаи, и не будет.

Она разворачивается медленно, и уходит, ссутулившись и загребая ногами выпавший снег, словно старушонка. Больно ей. Больно так, что в сердце саднит – пошла бы и вырвала

его с корнем, это сердце, чтобы жилось спокойно, без этих вот страстей по Ивану.

Гуляния заканчиваются далеко за полночь. Народ разбредается по своим домам, уставшие, но довольные – и наплясались, и напились - наелись, и наговорились.

Девки Демьяновы принимаются за уборку – их много, Анфиса Павловна аж семь дочерей мужу подарила, только вот Иван, последний парнем получился. Потому и балуют матка с батькой, потакают в чём-то, хотя, конечно, Иван серьёзным и неизбалованным растёт.

Довольный Демьян сидит за столом, пьёт из большой кружки бражку, заедая мелкой вяленой рыбёшкой, хмыкает себе в усы, потом говорит:

– Вот, Ванятка, отслужишь, домой явись, можно будет и о своём хозяйстве подумать. Да жену хорошую подыскать.

– Ты, батька, сильно-то не старайся – спокойно отвечает ему Иван – слышал я, как ты сегодня перед председателем стелился. Только не люба мне его Сонька. Я Аглаю люблю. Вернусь из армии – в Калиновке не останемся, в город уедем.

– Ой! – вскрикивает Анфиса Павловна, прикладывая руку к груди – чё удумали, окаянные!

– Вот ещё новости! – стукает кулаком по столу Демьян – «в гооород»! А деревню кто поднимать будет, а?! Коли вы все по городам разъедетесь?! Мы, старики да старухи?!

– Бать, ну чё ты прикопался к нему? – спрашивает Стеша, самая старшая сестра, она уже замужем за Степаном, кото-

рый сидит тут же, покуривая в печь и ухмыляясь в усы, молчит, не встревает в разговор. На правах старшей, да и со своим строптивым характером, Стеша иногда может на отца и прикрикнуть, вот как сейчас – хочет, пусть в город едет! По твоей указке он, что ли, жить должон?

– Цыц! – рявкает Демьян – ишь ты, разговорились они! Все против батьки! И ты, тельпурга, туда же! Много бы понимали! Смотри, Стешка, я не посмотрю, что ты замужняя баба, да при детях - сниму счас ремень, да отхожу тебя! С отцом так разговаривать!

Сёстры заливаются смехом, а с ними и Степан с Иваном. Рассерженный Демьян выходит в сени, отворив крепкие двери ударом ноги.

– Не перечил бы ты батьке, сынок – осторожно говорит Ивану Анфиса Павловна.

...– Батька, люблю я его, ну сделай ты что-нибудь!

Сазон Евдокимович смотрит на дочь круглыми, осоловелыми глазами. На второй день после Ванюшкиных проводов он опять загулял, да где – у Демьяна, конечно. Курили они в бане самогон, там же и свежак сразу пробовали. Пили до тех пор, пока бойкая жена Сазона, Марья Степановна, не наведалась, да не погнала мужика домой. Сейчас еле-еле отошёл он от праздника, да заметил, что Софка невесела ходит. Спросил её, чё случилось, тут она и выдала – жить, мол, без Ивана не могу…

– А чё же я тебе сделаю-то? Насильно мил не будешь, Со-

нюшка!

– Я, батька, руки на себя наложу, коли он мой не будет. Не могу я без Ванятки жить, чтобы Аглашка эта пропадом пропала! Батька, спортить её надо, тогда Ванюшка на ей ни за что не женится!

– Что надумала, дура!

Упала она перед отцом, в колени уткнулась, и ревёт. Тот по голове её мозолистой рукой погладил, утешил, как мог:

– Ну, будя, будя… Иди, Софка… Чё-нить придумается. Да не реви, можа забудешь ещё своево Ванюшку за три-то года.

После неё Степановна зашла к Сазону, да и говорит:

– Сгубим единственную кровиночку, Сазон. Чё и делать, не знаю я. Может, к бабке Писте на болота сходить? Она отворотит…

– Тёмный ты человек, Машка – говорит Сазон – дура баба. Тётка Пистя отворотит… Дурь, она и есть дурь. Давай, позови-ка мне Мишку.

Мишка Сазону по хозяйству помогает. Приблудился во время войны мальчонка, да и остался у Сазона. Детей у них с женой больше не было, вот Мишка, довольствуясь малым, и поселился у председателя. Сейчас уже парень настоящий, хотя всего-то года три прошло, с тех пор, как пришёл. Отъелся на щедрых Сазоновых харчах, заматерел. Когда парень вошёл к Сазону, тот губами пожевал и сказал ему:

– Ты, Мишка, садись. В ногах правды нет. Есть у меня

дело к тебе важное…

Но делать Мишке ничего не пришлось.

Часть 2

Таисия, жена Игната, отца Аглаи, ушла из жизни, когда дочери одиннадцать годов исполнилось. Ох, и горевал Игнат! Хотел руки на себя наложить – так любил Таську свою, что окромя неё баб не видел.

А как было её не любить? Таисию вся деревня любила – баба она была хорошая, незлобивая, работящая. Лишний раз с товарками у колодца не стоит, сплетни около сельпо не собирает, в местную церковь на службы ходит, жизнь праведную ведёт – блюдёт все посты, скоромной пищи не потребляет, бражку, как некоторые бабы, не пьёт.

Весёлая хохотушка Таисия – всё в руках у неё спорится, везде она успевает – и дома, и в огороде, и на ферме, до глубокого вечера не присядет, а вечером баньку подтопит, мужа с дитём намоет, сама вымоется, а по ночам спать не может – гладит кудри на голове своего Игнатушки, сон его охраняет, не налюбуется на сильного мужчину своего.

Как девчонка у них народилась, решила Таисия назвать её необычайно, прозвали девочку Аглаей, радовались родители – с таким именем ребёнка только счастливая судьба ждать может. Уж как любили они доченьку – баловали её, нежили, а у Таисьи словно вдвойне силы появились, крылья выросли – любила она свою доченьку, хватало у неё времени на всё, и на неё тоже – все дела она делать успевала, и малышку при-

ласкать, и по хозяйству, и в поле, и в огороде, и со скотиной.

А Игнат каким счастливым ходил! Всё в город ездил, да привозил оттуда наряды красивые для девочки. Оденут её бывало, как куколку, и идут в сельпо или по деревне вечером гулять.

Но вот исполнилось Аглае одиннадцать лет, и по зиме не стало Таисии – простыла она сильно, а фельдшера вызывать из соседней деревни не позволила, мол, само пройдёт. Но не прошло – изошла женщина жаром, так, пылающая вся, и покинула этот мир, взяв с Игната обещание заботиться об Аглае и любить её, не забывать и воспитывать.

– За руку, за руку к алтарю дочушку отведи, Игнат! - шептала, хватая мужа за руку и касаясь руки его горячими сухими губами.

На кладбище выл Игнат, и холодный, жестокий ветер разносил его стон над холодным миром мёртвых и закостеневшей в холоде деревней. Испуганно плакала маленькая Аглая, не веря в то, что ушла любимая матушка на небеса, оставив её наедине с отцом. Гладили по голове старушки - соседки растерявшуюся девочку, повторяя про себя: «Ох, сиротка! И как без мамки теперя?!»

И потянулись тоскливые, холодные, мрачные дни в жизни Аглаи и отца её, Игната. Игнат после похорон Таисии вообще перестал соображать – везде ему жена мерещилась, запил он сильно, только и делал, что курил бражку в холодном предбаннике, да там же пил и засыпал. Пока однажды в лютый

мороз не упал по дороге из той бани, и не обнаружила его Аглая, которая пошла проведать в бане отца, да проводить его домой.

Нашла она его лежащим в снегу, звать пыталась, да он не отзывается – храпит, запрокинув хмельную голову назад, рот открыт, да так громко, что у соседей собаки лают. Аглая его растолкать пыталась и плакала, и звала – ничего не помогает. Побежала по соседям, помощи звать, соседские мужики пришли – вмиг утащили Игната домой.

Слава Богу, не отморозил тогда Игнат себе ничего, но стыд взял, когда увидел заплаканные глаза дочери, да пришёл к нему председатель, выговаривать начал:

– Ты что же, Игнат, семью позоришь?! Таська в гробу, наверное, вертается, на твои проделки глядючи! Девчонку хоть пожалей – кому её поднимать, как не тебе, Игнат! Одна она осталась – ни бабок, ни дедок, ни мамки, да ты ещё пьёшь! Не дело удумал ты, Игнат!

И понял мужчина тогда, что больше он пить не может, и не должен, действительно стыд перед Таисьей взял – как же так, ведь обещал любимой жене, что будет о дочери заботиться, а сам… С тех пор напивался Игнат только раз в год – в день смерти жены любимой. Всё остальное время работал, Глашку растил, да Таисию свою помнил.

Казалось ему – виноват он перед женой, что не настоял тогда на фельдшере, хоть и крепкая была Таисия, а всё же забрала её болезнь, над которой она ещё и посмеивалась. Так

что напивался Игнат не столько от горя, сколько от чувства вины перед крепко любимой женой своей.

Шло время, росла маленькая Аглая, превращаясь сначала в юркую девочку - подростка с длинными и тонкими, как у цапельки, ногами, а после и в статную, русоволосую красавицу. Очень сильно похожа она была на мать свою, отца любила такой же сильной, как и Таисия, любовью. Игнат налюбоваться не мог на дочь, только отводил всё тоскующий взгляд – уж очень сильно Аглая напоминала ему любимую жену.

В день смерти Таисии Игнат по-прежнему страшно напивался, только уходить стал из дома на всю ночь – забурится к какому-нибудь мужику, например, к приятелю своему Гришке, да пьёт там, а утром, как ни в чём не бывало, домой идёт. Аглая его немного поругает, да толку нет – знала она, что крепко любил Игнат её мать, до сих пор тоскует по ней.

Чтобы как-то отца отвлечь, стала ему Аглая намекать на то, что хорошо бы ему жениться – хозяйка в дом нужна, да и ему, отцу, было бы легче, если бы рядом была хорошая женщина.

Подивился Игнат – надо же, шпана ещё, а соображает, что к чему.

– Я мать твою любил, Аглаюшка – сказал он дочери – как же я могу на ком другом жениться?

Но сам стал крепко думать над тем, что ему дочь сказала. Может, не так уж она не права? Чего ему, когда он молод ещё, бобылем тосковать? Конечно, никогда он свою Та-

исьюшку не забудет, так жить-то дальше тоже надо. Глашка вон растёт, ей материнского совета не хватает, может, поделиться не с кем своими думами девичьими… Вероятно, права она…

И стал он к женщинам присматриваться, хотя в то время добрые бабы были заняты уже – у кого мужики с фронта вернулись, а те, кто вдовами горе мыкал, успели себе так-таки мужей найти.

Знал он только одну бабёнку, из соседнего села, была она тоже вдовой, вот Игнат и думать долго не стал – заслал сватов, да и перевёз её в Калиновку.

Но Анна бабой оказалась не хозяйственной, нерадивой – если у Глашки в руках всё горело, то у Анны всё валилось из рук. Уютный домишко за короткое время превратился в захламленное помещение, и сколько бы Аглая не убиралась – всё равно в итоге всё оказывалось раскиданным.

А Анна стала детей клепать, один за другим, да всё пацанов. Аглая, как могла, помогала ей с малышнёй. Отношения у них с Анной вроде ничего были, хотя особо и не близкие, но и так нормально. Анна баба склочная, а Аглая хоть и бойкая девка, но старалась мачехе не перечить, видела, что отец словно бы духом воспрял с её появлением.

Но Анна Анной, и хоть в хозяйстве она не понтовитая*, но как баба в постели всем фору даст, а всё чаще стал Игнат вспоминать свою Таисьюшку, всё мрачнее и мрачнее становится. Казалось, не горевал он так даже в первый год, как по-

терял её. Да ещё живое напоминание перед глазами – дочка, Глашка, как две капли воды похожая на любимую жену.

Казалось бы – живи, да радуйся, жена есть, дети как-никак растут, все пацаны, это после Аглаи-то, у дочери с мачехой отношения пусть не близкие, но терпимые, иногда за делами и похохотать могут, пощипывая друг друга за бока, Глашка растёт на радость отцу – в школе выучилась, настоящая красавица, как есть, парни часто мимо их ворот с гармошкой проходят, стараясь завлечь песнями неприступную красавицу, да только не в радость это всё Игнату.

Вспоминается ему Таисьюшка, с длинной своей русою косою, в цветастом сарафане, огромные её глаза голубые сияют тёплым светом, губы пухлые тянутся к губам Игната… Вот и руки он её чувствует – нежные, мягкие, ароматно пахнущие свежим тестом, да яблоками, зарывается в волосы любимой жены, только бы не упустить это мгновение… Но тает, тает его Таисия, уходит от него, отдаляется. И всё мрачнее, и мрачнее становится Игнат, и мучают его сны и галлюцинации – вот и голос жены он слышать стал, будто молит она его о чём-то, а о чём – неведомо…

Когда стала Аглая с Иваном встречаться, Игнат только хмуро на дочь глянул, да буркнул под нос:

– Не по себе дерево рубишь, девка. Да и неча за мужика цепляться – работать надо, а обженихаться успеешь ещё. Мала ты, смотри, не соблазнил бы тебя Ивашка. Больно парень хорош, полдеревни девок за ним вихляются.

– Но любит-то он меня! – смешливо заявила Аглая, уперев в точёные бока маленькие свои руки. Вот и эту привычку от матери взяла, накатила опять грусть - тоска на Игната.

Стукнул кулачищем пудовым по столу:

– Я сказал, делать неча! Молода ишшо, и батьке она перечит, ишь!

– Ну чё ты скалисься, Игнатушка! – попыталась было урезонить Анна – парень бравый, хозяйственный, да сурьёзный, не чета остальным-то дуракам…

– Я сказал – нет! – ещё раз стукнул кулаком по столу Игнат, а сам не понял, что это в нём взыграло, то ли злость на то, что уведёт скоро Иван девку из семьи, то ли ревность родительская, то ли всё вместе.

– Бать, да ты чего?! – удивилась Аглая, глаза свои большие вытаращила на отца.

– А ничё! Я сказал – нечего по женихам шататься, мала ещё!

Глашка только подолом сарафана взметнула, косой своей махнула, и в горницу свою, только её и видели. Анна вслед за ней направилась, искоса на Игната только глянув.

Вошла в комнату падчерицы – та на кровати своей лежит, в потолок смотрит. Села резко, к мачехе в плечо ткнулась:

– Мамка, за что он так со мной?

– Да не расстраивайся ты, Глашка. Он смириться не может, что ты выросла и невеста уже. Ничё, время пройдёт, всё изменится.

– А если не даст он благословения, чтобы мы с Иваном поженились?

– Даст, куда денется. Он, поди, счастья тебе желает… Ты ж у него одна дочушка…

Вспомнит этот разговор потом Глашка, ох, как вспомнит!

В тот месяц, когда проводили Ивана на службу, да полетели туда-сюда весточки с обещаниями вечной любви, как раз день смерти Таисьи был. С утра Игнат ходил смурной, хмуро курил во дворе, выходя прямо в рубахе с вышитыми рукавами, на что Анна то и дело ворчала, а ближе к обеду собрался и ушёл к Гришке.

Анна тоже засобиралась в свою деревню, и детишек с собой забрала – надо было родню навестить, бабку старую, с хозяйством там помочь, сказала она Аглае, что только завтра приедет.

Знала бы Глашка, чем это обернётся – ни за что бы не отпустила мачеху. Но знать она не могла, а потому при слабом свете написала письмо Ивану, чугунок со щами в печку поставила, да и легла спать.

Проснулась в полночь, когда услышала, как в сенях упал железный чан, стоял он пустым и ничем не занятым. Как была, выскочила за дверь в сорочке, сверху только зипунок старенький накинула.

Опершись на дверь чулана, в сенях стоял отец. Пьяными глазами он смотрел на Аглаю, казалось девушке, что глаза эти словно бы пелена какая застилает – не было в них выра-

жения, какими-то пустыми были эти глаза. Бровь рассечена, в углу губы – кровоподтёк, одежда вся снегом заляпана, сапожищи в грязи.

– Батька?! – Аглая скорее удивилась, чем испугалась – батька, чё у вас там с Гришкой произошло? Подрались, небось? Ох, горе ты моё! Пошли, пошли, я тебя в постелю отведу!

На беду Глашки, отец и Гришка действительно подрались, крепко о чём-то поспорив, Игнат уже и не помнил, о чём. Только долго они во дворе дрались под лай Бобика, который норовил то одного, то другого, куснуть. Потом Гришка прокричал, чтобы Игнат валил к себе домой, а к нему, Гришке, и дорогу забыл.

После Игнат сильно раскаиваться будет, что не замёрз тогда по дороге…

Аглая подставила отцу своё плечо, и когда он повис на нём всем своим мужичьим весом, осторожно поволокла его в дом.

Игнат только мычал что-то нечленораздельное.

Он чувствовал под своими руками сильное и в тоже время хрупкое тело своей жены, ощущал её запах – нежный, тёплый запах женского тела, чувствовал её волосы, слышал голос…

– Горе ты моё! – выговаривала ему Аглая – горе луковое…

Она довела отца до кровати, и только хотела помочь ему улечься, как вдруг он сильной рукой схватил её за запястье,

да прижал к себе, дыша в лицо сивушным перегаром и луком.

– Батька?! – испугалась Аглая – батька, ты чего?!

– Тасюшка – пробормотал отец – Тасюшка моя! Как я по тебе скучаю, хорошо хоть пришла ты ко мне, Тасюшка, навестила своего Игната…

– Батька! Не дури! – Аглая попыталась оттолкнуть пьяного отца – не дури, батька, это я, дочка твоя, Аглая!

– Не ври мне, Тасенька, какая дочка?! Любимая моя, что же ты сопротивляешься своему Игнату?

– Отпусти, отец! Отпусти, это я, дочка твоя, Аглая! – заплакала девушка.

Но Игнат словно не слышал её, лишь повторял пьяным, заплетающимся языком:

– Что ж ты плачешь, родная моя, что плачешь, кто обидел тебя? Твой Игнат тебя утешит…

Холодные руки отца скинули зипунок на пол, и шарили, шарили по телу дочери, одной рукой он крепко прижимал её к себе, другой мял юную, упругую грудь, запрокинув и крепко держа голову, целовал в пухлые, уже искусанные губы, чтобы не кричала пленница…

Аглая дико завизжала, собрала в кучу все силёнки, оттолкнула пьяного отца, да кинулась бежать в свою светёлку, там можно было закрыть дверь на крючок и, хотя бы на время спрятаться от этого страшного, ставшего вдруг незнакомым, человека.

Но не успела Аглая закрыть двери за собой – Игнат догнал её, схватил за косу, больно притянув к себе, швырнул на кровать, заломил руки, и, держа одной рукой, другой стал шарить по телу, в клочья разрывая сорочку.

– Тася, Тасенька – бормотал при этом, дыша в лицо сивухой – я так по тебе соскучился, а ты меня толкаешь! Чем я заслужил это, Тасюшка?!

– Батька, не губи! Не губи! – молила и плакала Аглая, пытаясь снова и снова оттолкнуть отца от себя, выбиваясь уже из сил, но алкоголь словно сделал его ещё сильнее, он и не замечал, как дочь пытается укусить его за лицо, как пинается ногами, страшными, незнакомыми глазами он смотрел на Аглаю, продолжая называть её именем умершей жены своей.

И когда он сильными толчками вошёл в ту, которая была ему дочерью, она с громким криком изогнулась, словно змея, и упала в обморок. Это не остановило Игната, и он продолжал делать своё грязное дело, а потом громко захрапел тут же, на кровати дочери.

Очнувшаяся Аглая прямо в одной окровавленной сорочке в ночь убежала из дома по морозу к своей подруге Стеше, старшей сестре Ивана.

Часть 3

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.